

пальцѣй: „Нате, — говоритъ: — играйте!“ — Сейчасъ сторожа услыхали; „чево-то въ черквѣ не спокойно стало“, они говорятъ и идутъ смотрѣть. И етотъ-то мёртвый по покрѣшкѣ гроба ударилъ кулакомъ: „я, — говоритъ: — *рос такъ твою такъ, на горѣчи*“.

9. Сейчасъ сторожа вернулись обратно, ко священнику и говорятъ ему: „Покойники въ карты играютъ“. — „Што вы говорите? Не врите пожалуйста“. — „Вѣрно, вѣрно, батюшко!“ — И онъ за нимъ идётъ съ фонарёмъ. (Покѣйной только-что успѣлъ выѣхать изъ церкви). И посмотрѣлъ на нихъ [священникъ], што дѣйствительно въ карты покойники играютъ. И положили покойныхъ въ гробы, отпѣли на другой день и похоронили. И пустой гробъ положили съ нимъ.

А тотъ покѣйной ушолъ неизвѣстно куда.

34. [Удалой батракъ].

1. *Восѣтъ* было большое солдаство. Забирали дѣвокъ и бабъ, и малинькихъ робѣтъ. Я и говорю своей мамашѣ: „Убѣгъ“, молъ (я малинькимъ былъ). — Она говоритъ: „Куда ты побѣжишь?“ — „А побѣжъ“, молъ.

И побѣжалъ въ лѣсъ. Въ лѣсу тропѣ узенькая — только что въ пору пролѣсть. И вышолъ на поляну. Стоитъ избушка, на куречей голяшкѣ повѣртывается. Я и кричу поребѣчи: „Избушка, избушка, къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ!“ — Ну, она перевернулась.

Пришолъ я въ избушку, глянулъ въ печку: мясо (говѣдина) пекѣтъ тамъ. Во столѣ тамъ чашки да ложки, хлѣба краюшка. Взялъ я поѣлъ мяса и хлѣба. И слѣзъ на *середнѣе* палати, тамъ сажу.

Идутъ двѣнадцать ра(о)збойниковъ. Кто тамъ хлѣба, кто мясо, кто чашки, кто ложки, всё на столъ снесли. Обѣдаютъ мясо, кости валятъ на среднѣе палати. У меня пазуха была большая (въ синей рубахѣ былъ); кости всё въ пазуху клалъ. Потомъ, какъ они послѣднѣ-ту *шеину* оглодали, бросили — до меня не добросили.

2. Тутъ была лучины полѣница. Я по-дѣтски попотѣнѹлся (изъ-за этой полѣнницы) и п ѣ. Они и говорятъ: „Кто тутъ такой?“—Я говорю: „Я“.—Они говорятъ: „Подѣмъ съ намъ розбойничать“.—Я нейдѹ съ нимъ. Потомъ они дали мнѣ шляпу. Я зналъ у богáтова мужика деньги, нагрѣбъ имъ шляпу и отдалъ—только чтобы меня не брали. И они оставили меня въ покóѣ.

3. Въ той деревнѣ была у мужика свáльба. Я забрался въ *жйтницю* и хожу *помявкиваю*, какъ котъ. Потомъ госьтъ вѣшолъ до вѣтру, услыхалъ меня. Идѣтъ въ *ѣзбу* и кричитъ: „Экъ, слѣпáя! эхъ, глухáя! — говоритъ: — смотри-ко: кóшку пустѣла!“—говорить.

Потомъ бѣжитъ старуха. Я набралъ всякой рáзной мукѣ, потомъ ёй въ глаза мукóй. Она покóдовъ колупала глаза, я убѣжалъ.

4. И слѣс на дерево, на дубъ. Этотъ дубъ *пóлой* — я упалъ въ него. И *ѣдутъ* два брата:—„Давай, братъ, сру-бимъ етотъ дубъ! бѹдѣтъ корыто“, говоритъ.—Остановѣли лошадей и рѹбятъ: тотъ съ бокѹ и другой съ другóва.—„Ой, дѣдюшка! по шѣйкѣ!“ я кричу въ дѹбѣ.—Они и говорятъ: „Ой, Богъ съ тобой, *манѣцца*“.—Потомъ второй разъ тáкже.

Какъ этотъ дуботъ упалъ, *взверещѣлъ*, — я пуще его зверещѣлъ. Они испугáлись и на одной лóшади угна́ли; другѹю мнѣ оставили.

5. Я сѣлъ на ету лошадь и поѣхалъ не знаю куда. Вдрук задремалъ; прибѣжалъ волкъ и сѣлъ у меня лошадь. Потомъ я проснѹлся и вижу, што волкъ въ хомѹтъ залѣзъ. Я скричáлъ ему, онъ потащѣлъ меня. Притасчилъ въ деревню.

6. Меня поймали. Посадили въ бóчку, набѣли желѣзны обрѹчья, [пустили по водѣ]. Сидѣлъ я полтара гóда не живѣ, не мѣртвѣ. Потомъ, на моѣ счáсьѣ, бочка остановилась у бѣрегу кверху дырóй (дыра была на серѣдкѣ-то). Я давай эти кóсти *ѣсти* изъ пáзухи; сколько поѣмъ, остатки выкладываю на край бочки.

Потомъ пришóлъ второй волкъ, сѣлъ на бóчку и свѣсилъ хвостъ въ дырѹ, глóжотъ мои кóсти. Въ то время у меня была лапотная верѣвка. Я взялъ, тихóнько за хвостъ привезалъ и перечѣннымъ нóжикомъ ему въ задницу ткнулъ

(ударилъ). И онъ вытасчилъ мою бочку и потасчилъ по пёню, по корёню. И бочку всю разбилъ и меня ёле живова домой пустилъ.

35. [Шуть].

1. Вёрни-перевёрни,
Вологдцкой губёрни,
При такдмъ-то селѣ
Жилъ старикъ въ одномъ дворѣ.
Даль ему Господь сыночковъ,
Трёхъ родимыхъ голубочковъ.
Для него подъ старось лѣтъ
Никого милѣе нѣтъ.
Первой Тихонъ да Вавило,
Трётей сынъ Гаврило.
Первой, Тихонъ, былъ бродяга
И пьяница и *скляга*;
И по цѣльнымъ днямъ
Не выходилъ изъ *кочермы*.

А жена его [Тихона] удала любопытство всё узнала, захотѣла полюбить троихъ въ селѣ родныхъ. И разъ пошла вечеркдмъ, зашла къ псаломщику она, — и онъ разговоръ съ ней заводитъ: „дѣ твой мужъ гуляеть?“ — Она говоритъ ему: „Въ доро́гу уѣхалъ“. — „А скоро возвратится онъ?“ — „И прáво, ей-богу, — говоритъ: не знаю!“. — „А когда ты мнѣ велишь притти?“ — „Въ церъвомъ часу послѣ полночи“. — „Ну, хорошо, спасибо“.

Потомъ пошла ко дьякону. — „А ты зачѣмъ, Аннушка?“ — „Я до тебя зашла. Побывай ко мнѣ“. — „А чтò такъ у тебя?“ — Мужъ гуляетъ безъ меня“. — „Когда велишь мнѣ притти?“ — „Во вторóмъ часу послѣ полночи“.

Потомъ пошла ко священнику. — „Кого надо?“ — „Да васъ, батюшко, надо“. — „А когда велишь притти?“ — „Въ третьемъ часу“.

2. Первымъ долгомъ идеть псаломщикъ къ ней въ госьти. Самоваръ приготовила, и сѣли чайничать. Вдрук, во вторóмъ часу, тихо подъ окномъ отецъ дьяконъ идеть. Псаломщикъ говоритъ: „Куда я дѣвацца буду? Тихонъ